

Научная статья

УДК 343.36

EDN TGCGMY

DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(6).648-657

ПРИНУЖДЕНИЕ К ДАЧЕ ПОКАЗАНИЙ: ИЗМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА И ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

А.А. Радченко*Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции, г. Иркутск, Российская Федерация*

Информация о статье

Дата поступления

9 сентября 2024 г.

Дата принятия в печать

20 декабря 2024 г.

Дата онлайн-размещения

27 декабря 2024 г.

Ключевые слова

Преступления против правосудия;
принуждение к даче показаний;
насилие; пытка; превышение
должностных полномочий;
латентность

Аннотация. Повышенное внимание к должностным преступлениям сотрудников правоохранительных органов не снимает остроту проблемы, поскольку количество таких преступных деяний в реальности не уменьшается, а их латентность остается на высоком уровне. Преданные огласке в 2021 г. факты массового применения насильственных методов воздействия и пыток сотрудниками правоохранительного блока повлекли внесение изменений в ст. 117, 286 и 302 Уголовного кодекса Российской Федерации. Автор проводит комплексный анализ указанных изменений, внесенных в уголовное законодательство Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 307-ФЗ. В результате выявлены как концептуальные изъяны и противоречия, так и технико-юридические недостатки новой редакции ст. 302 Уголовного кодекса Российской Федерации. Обозначаются проблемные аспекты, которые могут возникнуть при квалификации принуждения к даче показаний со стороны сотрудников правоохранительных органов, в частности, в плане разграничения принуждения к даче показаний и насильственного превышения должностных полномочий. Поднимаются вопросы обоснованности дифференциации ответственности за принуждение к даче показаний, особенно в ракурсе удачности использования средств юридической техники при конструировании квалифицирующих признаков. Отдельное внимание обращается на законодательную регламентацию пытки как особо квалифицирующего признака принуждения к даче показаний, не имеющего четкого и однозначного содержания. В целом указанные нововведения в уголовном законе оцениваются критически и делается вывод об отсутствии планируемого результата — повышение эффективности применения ст. 302 Уголовного кодекса Российской Федерации в практике квалификации должностных преступлений в правоохранительной сфере. Автор приходит к заключению о необходимости научно обоснованного и системного совершенствования уголовного законодательства, устанавливающего ответственность за незаконные и насильственные действия сотрудников правоохранительных органов, гармонизации правил квалификации соответствующих преступлений и оптимизации правоприменительной практики.

Original article

COERCION TO TESTIFY: CHANGES IN THE CRIMINAL LAW AND PROBLEMS OF QUALIFICATION

Alexei A. Radchenko*Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, Irkutsk, the Russian Federation*

Article info

Received

2024 September 9

Accepted

2024 December 20

Available online

2024 December 27

Keywords

Crimes against justice; coercion to
testify; violence; torture; abuse of
power; latency

Abstract. A heightened recent attention to the abuse of office by law enforcement employees does not reduce the severity of this problem. In fact, the number of such crimes is not decreasing, and their latency remains high. The facts of mass violence and torture used by law enforcement employees, publicized in 2021, resulted in the introduction of amendments to Art. 117, 286 and 302 of the Criminal Code of the Russian Federation. A complex analysis of the abovementioned amendments to the criminal legislation enforced by the Federal Law № 307-ФЗ of July 14, 2022 is conducted. The analysis reveals both conceptual drawbacks and contradictions, and the technical-juridical flaws of the new edition of Art. 302 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author outlines the problems that might arise in the qualification of the coercion to testify by the law enforcement employees, specifically, in terms of the delineation between the coercion to testify and the violent abuse of office. The

author also raises the questions of justifying the differentiation of liability for coercion to testify, especially in view of the appropriateness of the use of the means of legal technique in the construction of characteristic features. Special attention is paid to the legislative regulation of torture as a special characteristic feature of the coercion to testify, which lacks clear and unambiguous contents. In general, the abovementioned innovations in the criminal law are assessed critically and it is concluded that they failed to lead to the planned result — heightening the effectiveness of enforcing Art. 302 of the Criminal Code of the Russian Federation in the practice of qualifying the abuse of office in the sphere of law enforcement. The author concludes that it is necessary to undertake a scientifically grounded and systemic improvement of criminal legislation establishing liability for illegal and violent actions of the law enforcement employees, to harmonize the rules for the qualification of the corresponding crimes and to optimize the practice of law enforcement.

Законодательная регламентация преступления, предусмотренного ст. 302 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) «Принуждение к даче показаний», вызывает не только научные дискуссии, но и затруднения у практических работников в процессе квалификации. В свою очередь, законодатель путем изменения и редактирования текста Кодекса пытается найти оптимальную модель уголовно-правовой охраны сферы правоохранительной деятельности, а также прав и свобод лиц, вовлеченных в нее, и повысить эффективность правоприменения.

Официальные статистические данные указывают на низкий уровень принуждения к даче (ст. 302 УК РФ) в общей структуре зарегистрированной преступности в Российской Федерации. За период действия УК РФ выявлено и зарегистрировано всего 208 указанных преступных деяний: 1997 г. — 40, 1998 г. — 28, 1999 г. — 33, 2000 г. — 12, 2001 г. — 19, 2002 г. — 18, 2003 г. — 2, 2004 г. — 4, 2005 г. — 7, 2006 г. — 4, 2007 г. — 5, 2008 г. — 3, 2009 г. — 9, 2010 г. — 1, 2011 г. — 6, 2012 г. — 1, 2013 г. — 3, 2014 г. — 5, 2015 г. — 4, 2016 г. — 0, 2017 г. — 0, 2018 г. — 2, 2019 г. — 0, 2020 г. — 2, 2021 г. — 1 [1, с. 125–127; 2, с. 79; 3, с. 81–82].

С начала 2000-х гг. очевидна тенденция к резкому снижению числа официально выявленных фактов принуждения к даче показаний; уголовные дела с квалификацией деяния по ст. 302 УК РФ представляют единичные случаи, устойчивая и целостная судебно-следственная практика по данному составу преступления не сформировалась.

Представляется, что приведенные статистические сведения требуют критической оценки, так как объективно не отражают распространенность преступлений, предусмотренных ст. 302 УК РФ, и не формируют реального представления о масштабах незаконных и насильственных

методов получения доказательств и, соответственно, их крайне высоком уровне латентности [3, с. 82; 4, с. 93–94; 5, с. 315–319; 6, с. 59–61; 7, с. 95–96]. Например, 67 % опрошенных нами сотрудников правоохранительных органов указали на то, что сталкивались с данными фактами. Следовательно, очевидна высокая латентность принуждения к даче показаний, которую отметили 64 % респондентов [8, с. 5].

Безусловно, одной из основных причин латентности принуждения к даче показаний и, соответственно, неприменения в судебно-следственной практике ст. 302 УК РФ выступает то, что указанные деяния совершаются внутри самой правоохранительной системы, которая, как показывают многочисленные публикации, крайне неохотно борется с этим явлением, «спасая от ответственности «своих» преступников», а иногда даже оправдывая их действия тем, что они совершались из лучших побуждений, с целью повысить раскрываемость преступлений [9, с. 423].

Вместе с тем одним из факторов латентности следует признать несовершенство законодательной регламентации при описании признаков состава преступления в ст. 302 УК РФ, предопределяющие многие проблемные аспекты практического характера. Показательно, что в правоприменительной практике зачастую происходит перекалфикация со ст. 302 УК РФ на ст. 286 УК РФ или вопрос о применении ст. 302 УК РФ изначально не рассматривается. В связи с этим в науке неоднократно предлагались комплексные изменения ст. 302 УК РФ как содержательного, так и технико-юридического характера [2, с. 189–190, 284; 8, с. 5, 14–15; 10, с. 5, 8; 11, с. 5, 14–15; 12, с. 4, 8, 17; 13, с. 4, 22].

Однако реформирование ст. 302 УК РФ было осуществлено только после вскрытых и обнародованных в 2021 г. фактов массового применения «пыток» в пенитенциарных учреж-

дениях, в частности в Иркутской области¹. Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 307-ФЗ² были внесены изменения в ст. 117, 286 и 302 УК РФ, которые применительно к составу принуждения к даче показаний включают:

- расширение круга потерпевших путем отнесения к ним осужденного и оправданного;
- дополнение возможных субъектов принуждения к даче показаний указанием на «иного сотрудника правоохранительного органа»;
- дифференциация уголовной ответственности и расширение перечня квалифицирующих признаков;
- формулирование нового легального определения пытки как квалифицирующего признака — способа совершения преступления.

Как указывают Ю.Е. Пудовочкин и М.М. Бабеев, «эмпирическим материалом в поиске идей, отражающих законодательный замысел, могут стать не только (а возможно, и не столько) сами законы, сколько документы, отражающие законотворческий процесс, и прежде всего, пояснительные записки к законопроектам, в которых (по идее) цель и основание принятия закона должны быть четко определены» [14, с. 113–114]. Анализ пояснительной записки к интересующему нас законопроекту³ свидетельствует, что по существу в ней приведены три основных аргумента: наличие соответствующих международных обязательств по противодействию пыткам; особый ущерб авторитету правоохранительной системы, который наносят соответствующие случаи; выявленные 2021 г. массовые нарушения прав человека в системе исполнения уголовных наказаний, требующие усиления ответственности сотрудников пенитенциарных учреждений [15, с. 88]. Последний тезис является, по всей видимости, ключевым, так как разра-

ботчики специально подчеркивают, что в ст. 302 УК РФ вводится новый субъект преступления — сотрудник правоохранительного органа, что позволит привлекать сотрудников ФСИН России к ответственности за пытки по ст. 302 УК РФ.

Следовательно, декларируемой целью корректировки уголовного законодательства выступала необходимость повышения эффективности использования ст. 302 УК РФ при квалификации различных неправомерных действий сотрудников правоохранительных органов. С учетом приведенных статистических данных планировалось, образно говоря, «вдохнуть жизнь» в фактически не работающую в судебно-следственной практике ст. 302 УК РФ.

Критический анализ указанных изменений и дополнений показывает, что они не только не устраняют сложностей при квалификации преступных посягательств должностных лиц в сфере правоохранительной деятельности, но и могут породить новые проблемы. Примечательно, что рассматриваемые изменения были внесены в уголовный закон вскоре после принятия 28 июня 2022 г. Пленумом Верховного Суда РФ постановления № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам от преступления против правосудия»⁴, в пп. 7–10 которого нашли отражения разъяснения по вопросам применения ст. 302 УК РФ, но без учета новой редакции уголовно-правовой нормы.

Обязательным криминообразующим признаком состава преступления, предусмотренного ст. 302 УК РФ, является потерпевший — конкретный участник судопроизводства, что четко коррелирует с предметом соответствующего преступления (показания или заключение) и целью принуждения — получение или изменение доказательственной информации. Указанная конструкция и обязательная взаимосвязь указанных признаков состава преступления предопределяет нахождение ст. 302 УК РФ именно в гл. 31 УК РФ «Преступления против правосудия», потому что данное преступное деяние посягает на один из элементов отправления правосудия — установленный законом процесс доказывания. При этом осужденный или оправданный с точки зрения уголовно-процессуального законодательства не участвуют в механизме доказывания. В этой связи необходимо поддержать

¹ Возбуждено уголовное дело об издевательствах в саратовской больнице ФСИН. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4723036> (дата обращения 10.06.2024) ; В Иркутском УФСИН продолжаются громкие задержания. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4712630> (дата обращения: 10.06.2024) ; Как многолетние пытки и издевательства над заключенными привели к отставке главы ФСИН России. URL: <https://lenta.ru/articles/2021/11/25/kalashnikov/?ysclid=lwyr590x8w512109774> (дата обращения: 10.06.2024).

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 14 июля 2022 г. № 307-ФЗ // Российская газета. 2022. 21 июля.

³ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : пояснит. записка к проекту федер. закона № 42307-8 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия : постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 20 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 9.

Н.А. Лопашенко: «Если они (осужденный или оправданный) принуждаются к даче показаний, то, очевидно, они имеют какой-то процессуальный статус в другом уголовном деле — в качестве подозреваемого, свидетеля или потерпевшего. Если же такого статуса осужденный и оправданный не имеют, то лица, желающие получить от них какие-либо сведения, совершают должностное или иное преступление, а не преступление против правосудия» [16, с. 125].

Примечательно, что на указанные и другие недостатки указывалось еще при рассмотрении соответствующего законопроекта в заключении правового управления аппарата Государственной Думы Федерального Собрания РФ⁵. Отмечалось, что в ст. 47 УПК РФ понятие осужденного и оправданного, по существу, введено в закон посредством термина «обвиняемый», который приобретает соответствующий статус в стадии судебного разбирательства в зависимости от вида вынесенного приговора суда. В свою очередь, ч. 2 ст. 47 УПК РФ предусматривает именовать обвиняемого, в отношении которого вынесены: обвинительный приговор — осужденным, оправдательный приговор — оправданным. При этом показания — это сведения, сообщенные на допросе, проведенном в ходе досудебного производства по уголовному делу или в суде, и только такими участниками уголовного судопроизводства, как подозреваемый, обвиняемый, свидетель, потерпевший, эксперт и специалист, что вытекает из содержания пп. 1–3.1 ч. 2 ст. 74, ст. 76–80 УПК РФ.

В отношении расширения круга субъектов принуждения к даче показаний возникает целый комплекс квалификационных вопросов, не имеющих однозначного ответа. Так, измененная формулировка ст. 302 УК РФ заставляет в очередной раз вернуться к крайне неоднозначному и «наболевшему» как в административно-государственном законодательстве, так и в уголовном праве вопросу понимания категории «сотрудник правоохранительного органа» [17, с. 277–279; 18, с. 5, 10–11; 19, с. 3–4; 20, с. 575–579]. Ключевыми проблемами выступают прежде всего законодательная неопределенность понятия и перечня правоохранительных органов, а также функционал соответствующих сотрудников. Например, могут ли быть отнесены к

субъектам принуждения сотрудники подразделения процессуального контроля органов следственного комитета или материально-технического отдела органов внутренних дел?

В свою очередь, В.Н. Борков и Б.Б. Булатов указывают применительно к внесенным в ст. 302 УК РФ корректировкам: «Необходимо уточнение вопроса о степени включенности названного в ч. 1 ст. 302 УК РФ среди специальных субъектов «иного сотрудника правоохранительного органа» в расследование преступления, а также о возможном времени совершения посяательства: только во время проведения допроса или и до его начала. Распространяется ли комментируемая норма только на лиц, которые были специально уполномочены на проведение следственного действия и фактически проводили его, или к таким «иным сотрудникам» могут быть отнесены оперативники, осуществляющие оперативное сопровождение предварительного расследования, а возможно, и другие полицейские, а также представители иных правоохранительных органов, которые по различным причинам были «неформально» вовлечены или оказались «рядом» с уголовным судопроизводством?» [21, с. 168]. При этом авторы моделируют довольно интересный пример, когда в качестве «иного сотрудника правоохранительного органа» выступают лица, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, инициативно в целях раскрытия и выявления новых преступлений оказывающие незаконное воздействие на осужденных или оправданных. Такие действия могут производиться вне оперативного обеспечения конкретных уголовных дел, т.е. без ведома следователя или дознавателя, и представлять собой принуждение к даче показаний в будущем [там же].

По существу, внесенные изменения частично дублируют ранее сформированный в диспозиции ст. 302 УК РФ перечень субъектов преступления. Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ⁶ расширил круг возможных субъектов принуждения за счет введения в статью уголовного закона указания на «другое лицо с ведома или молчаливого согласия следователя или лица, производящего дознание». Под данную категорию как раз и попадали сотрудники оперативных подразделений, осуществляющие оперативно-розыскное сопровождение расследования

⁵ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : заключение по проекту федер. закона от 16 июня 2022 г. № 42307-8 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 8 дек. 2003 г. № 162-ФЗ // Российская газета. 2003. 16 дек.

уголовных дел. Внесенные изменения теперь позволяют не устанавливать крайне сложно доказуемую связь между оперативными сотрудниками и следователем или дознавателем в форме «ведома или молчаливого согласия».

Вместе с тем следует обратить внимание, что из-под действия ст. 302 УК РФ выпадают лица, оказывающие содействие правоохранительным органам, которые, как показывает практика, зачастую целенаправленно (а не с ведома или молчаливого согласия) задействуются в применении насилия и пыток в пенитенциарных учреждениях. В своем отзыве на законопроект Верховный Суд России указывает, что на практике субъектами преступлений, совершаемых с применением пыток, преимущественно являются лица, не наделенные должностными полномочиями (например, осужденные, вымогатели и т.п.)⁷.

Резюмируя, можно сделать вывод, что обоснование расширения субъектного состава, изложенное в пояснительной записке к законопроекту, — привлекать сотрудников ФСИН России к ответственности за пытки именно по ст. 302 УК РФ, может найти ограниченное применение — возможно вменение указанного состава только сотрудникам пенитенциарных учреждений в отношении лиц, содержащихся под стражей или отбывающих наказание и имеющих определенный процессуальный статус в рамках конкретного уголовного дела.

Применительно к вопросам дифференциации ответственности за принуждение к даче показаний правоведами отмечается неудачное использование средств законодательной техники при формулировании перечня квалифицирующих признаков [22, с. 3–9; 23, с. 103–104; 24, с. 66–67]. В.Н. Борков полагает, что новая структура ст. 302 УК РФ порождает проблему ограничения пытки (ч. 3 ст. 302 УК) от насилия и издевательств (ч. 2 ст. 302 УК) как по их интенсивности, так и по объему разграничиваемых явлений. В частности, ч. 3 ст. 302 УК РФ начинается с фразы «деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи» и тем самым как бы исключает из содержания пытки насилие и издевательство, о которых идет речь в ч. 2 ст. 302 УК РФ. Получается, что принуждение к даче показаний с применением насилия и издева-

тельств (ч. 2 ст. 302 УК РФ) не является общей нормой по отношению к принуждению к даче показаний с применением пытки (ч. 3 ст. 302 УК РФ). Обе части (и «применение насилия или издевательств», и «применение пытки») предусматривают квалифицированные составы по отношению к ч. 1 ст. 302 УК РФ [25, с. 37]. Следовательно, складывается парадоксальная ситуация, при которой в ст. 302 УК РФ пытка связывается фактически лишь с психическим насилием (угрозы, шантаж) или иными (аналогичными) незаконными действиями (ч. 1 ст. 302 УК РФ), но не коррелирует с возможным применением физического насилия (ч. 2 ст. 302 УК РФ).

Более того, как отмечает Н.А. Лопашенко, «если принимать во внимание букву закона, то часть 3 не охватывает положения ч. 2 ст. 302 УК РФ, равно как ее часть 4 тоже отсылает лишь к одной части — третьей, с понятием пытки; соответственно, если пытки нет, но в результате принуждения последовала по неосторожности смерть потерпевшего или причинение тяжкого вреда его здоровью, часть 4 ст. 302 УК РФ применена быть не может. То есть в последней ситуации действия виновного должны будут квалифицироваться по двум статьям — ст. 302 УК РФ и, в зависимости от последствий, — по ст. 109 или 118 УК РФ. Но так ли уж разнятся ситуации?» [16, с. 125].

В русле международно-правовых стандартов пытка теперь по российскому уголовному закону признается должностным преступлением, имеющим определенную целевую направленность. В новой редакции УК РФ понятие пытки практически идентично определению в ст. 1 Конвенции ООН против пыток и жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания⁸, принятие которой указывает на глобальность указанной проблемы для мирового сообщества и актуальности вопроса формирования унифицированного механизма борьбы с данными негативными проявлениями в деятельности государственного аппарата [26–32].

Согласно п. 1 примечания к ст. 286 УК РФ, под пыткой в статьях уголовного закона понимается «любое действие (бездействие), которым кому-либо лицу умышленно причиняется сильная

⁷ Официальный отзыв Верховного Суда РФ от 17 декабря 2021 г. № 4-ВС-6490/21 на проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Конвенция ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания : принята резолюцией 39/46 Генер. Ассамблеи ООН от 10 дек. 1984 г. и ратифицирована СССР 26 июня 1987 г. // Ведомости ВС СССР. 1987. 11 нояб. № 45. Ст. 747.

боль либо физические или нравственные страдания, чтобы получить от него или третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера». Соответственно, ст. 286 УК РФ дополнена таким квалифицированным составом, как «превышение должностных полномочий, совершенное с применением пытки» (ч. 4 ст. 286 УК РФ), а в ч. 3 ст. 302 УК РФ пытка выделена в особо квалифицирующий признак принуждения к даче показаний.

В свою очередь, из ст. 117 УК РФ определение пытки и соответствующий квалифицирующий признак исключены. Теперь в п. «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ вместо пыток предусматривается повышенная уголовная ответственность за истязания с особой жестокостью, издевательствами или мучениями для потерпевшего.

Несмотря на внесенные изменения, остаются неснятыми (точнее сказать, еще более запутываются) имеющие важное практическое значение вопросы соотношения пытки с особой жестокостью, издевательствами, истязаниями и мучениями [33, с. 28, 194; 34, с. 16–18; 35, с. 359; 36, с. 28–29, 34], а также отмечается крайняя неопределенность и оценочность терминов, с помощью которых в уголовном законе описывается пытка [16, с. 126; 37, с. 18–19; 38, с. 65–67; 39, с. 39–40; 40, с. 378–379].

Указанные недостатки выделялись и в официальном отзыве на законопроект Верховного Суда России: «Предлагаемое в законопроекте определение пытки нуждается в доработке в части согласования с терминологией, применяемой в национальном законодательстве, и устранения оснований для неоднозначного толкования новелл. Данные положения законопроекта содержат термины и их сочетания, не отвечающие требованию правовой определенности»⁹.

Концептуальным моментом, который не учитывает российский законодатель, выступает то, что сформулированное им определение пытки фактически представляет собой самостоятельный состав преступления со спецификой объективных (сильная боль, физические или

нравственные страдания) и субъективных (получение сведений или признания, наказание, запугивание или принуждение, или дискриминационный мотив) признаков состава преступления со стороны исключительно специального субъекта.

Однако в предложенной законодательной конструкции в ст. 286 и 302 УК РФ пытка выступает в качестве квалифицирующих признаков, характеризующих способ совершения преступления. Например, если подставить законодательное определение пытки в ст. 302 УК РФ, получится крайне запутанное и сложное описание преступного деяния, которому свойственна тавтологичность. При этом в настоящее время за применение пытки установлена идентичная ответственность в ст. 286 и 302 УК РФ без какой-либо дифференциации наказания (от 4 до 12 лет лишения свободы).

Как подчеркивает Р.Д. Шарапов, в современном международном уголовном праве и УК РФ не наблюдается значимых различий между пыткой и иными формами особо жестокого насилия (например, жестоким обращением, издевательствами, страданиями, истязаниями, мучениями, садизмом). Учитывая, что все данные понятия означают причинение потерпевшему физических или нравственных, или тех и других страданий одновременно, следует сделать вывод о том, что все они являются частными случаями проявления особой жестокости, раскрывают разные грани наказуемого по уголовному закону насилия [36, с. 12, 28–29]. Представляется, что особая жестокость является наиболее емкой и универсальной категорией, которая заключается в причинении потерпевшему явно излишних страданий, не обусловленных сущностью того преступления, которое совершается виновным, основной целью деяния [41, с. 7].

Получается, такие квалифицирующие признаки принуждения к даче показаний, как «издевательства» (ч. 2 ст. 302 УК РФ) и «пытка» (ч. 3 ст. 302 УК РФ), невозможно четко и однозначно разграничить в содержательном плане, что не позволяет правильно квалифицировать указанные насильственные формы незаконного воздействия в правоприменительной деятельности.

Проведенный анализ подтверждает обоснованность вывода, сделанного О.В. Климановой: «Представляется, что изменения в УК РФ, внесенные Федеральным законом от 14.07.2022 № 307-ФЗ, изначально не были четко ориентированы на потребности правоприменения, а

⁹ Официальный отзыв Верховного Суда РФ от 17 декабря 2021 г. № 4-ВС-6490/21 на проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации».

призваны были решать только общепредупредительную задачу. Все больше норм УК РФ меняются ситуативно и бесперспективно в смысле правоприменения» [15, с. 92]. Фактически корректировка уголовного закона выступала рефлексией государства на обнародованные факты «пыток» в пенитенциарных учреждениях и демонстрацией стремления борьбы с указанными негативными проявлениями.

Таким образом, декларируемая цель изменений — расширение сферы и повышение эффективности применения ст. 302 УК РФ — и их практическая реализация не совпадают, что подтверждается статистическими сведениями. В 2022 г. по ст. 302 УК РФ зарегистрировано одно преступление, но осужденные лица отсутствовали¹⁰, а в 2023 г. соответствующие преступления вообще не регистрировались и лица не осуждались¹¹. Соответственно, несмотря на принимаемые со стороны законодателя усилия, ст. 302 УК РФ остается так называемой «мертвой нормой» уголовного законодательства [42, с. 4–10], не применяемой в процессе квалификации преступных деяний сотрудников правоохранительных органов.

С учетом изложенного очевидна необходимость системного и научно обоснованного совершенствования уголовного законодательства, регламентирующего ответственность за незаконные и насильственные методы воздействия в сфере правоохранительной деятельности, гармонизации правил квалификации соответствующих преступлений и оптимизации правоприменительной практики. Представляется, что в качестве базовых идей могут выступать следующие предложения по изменению редак-

ции ст. 302 УК РФ и связанных с ней уголовно-правовых норм:

– потерпевшими в ст. 302 и 309 УК РФ следует унифицированно признать подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, потерпевшего, свидетеля, эксперта, специалиста и переводчика, а в качестве возможных адресатов угроз или других мер незаконного воздействия — близких лиц принуждаемых участников процесса доказывания;

– единообразно необходимо сформулировать ст. 302 и 309 УК РФ и цель преступления — получение, изменение или сокрытие доказательств, а также расширить предмет указанных составов преступлений путем обозначения не только «личных доказательств» (показания или заключения), но и вещественные доказательства, предметы и документы, которые используются в процессе доказывания;

– исключить издевательства и пытку из числа квалифицирующих признаков ст. 286 и 302 УК РФ, предусмотрев для усиления ответственности в указанных уголовно-правовых нормах, а также в ст. 309 УК РФ «особую жестокость» как наиболее универсальную и интегративную категорию;

– устранить технико-юридические неточности, увязав ч. 3 ст. 302 УК РФ не только с ч. 2, но и с ч. 1 рассматриваемой уголовно-правовой нормы, а ч. 4 ст. 302 УК РФ, соответственно, как с ч. 3, так и с ч. 2 анализируемой статьи уголовного закона;

– в рамках дифференциации ответственности дополнить ст. 302 УК РФ квалифицирующими признаками совершения преступления «группой лиц по предварительному сговору и организованной группой» и «по уголовному делу о тяжком или особо тяжком преступлении», а в ст. 309 УК РФ предусмотреть для ужесточения ответственности не только соучастие в форме «организованной группы», но и совершение деяния «группой лиц по предварительному сговору», а также «по уголовному делу о тяжком или особо тяжком преступлении».

¹⁰ URL: <https://crimas.ru/wp-content/uploads/2023/03/Dannye-po-vsem-statyam-UK-12-17-22.docx> (дата обращения: 10.06.2024) ; URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7649> (дата обращения: 10.06.2024).

¹¹ URL: <https://crimas.ru/wp-content/uploads/2024/05/Tablicy-kriminologam-2013-2018-2023.pdf> (дата обращения: 10.06.2024) ; URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8690> (дата обращения: 10.06.2024).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество / А.И. Долгова. — Москва, 2003. — 572 с.
2. Кулешов Ю.И. Преступления против правосудия: проблемы теории, законотворчества и правоприменения / Ю.И. Кулешова. — Владивосток, 2007. — 296 с.
3. Яшин А.В. Принуждение к даче показаний: статистика и некоторые вопросы предупреждения / А.В. Яшин // Общество: политика, экономика, право. — 2022. — № 6. — С. 80–84.
4. Авдеева Е. К вопросу о латентности принуждения к даче показаний / Е. Авдеева. — EDN JYARTP // Закон и право. — 2008. — № 2. — С. 93–94.

5. Зеленина С.А. Изменение факторов, определяющих латентность принуждения к даче показаний / С.А. Зеленина. — EDN YNWOMH // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 16–17 мая 2018 г. / под ред. А.Г. Хлебушкина, Т.Н. Тиминой. — Санкт-Петербург, 2018. — С. 315–319.
6. Намняева В.В. Латентная преступность в сфере посягательств на интересы правосудия / В.В. Намняева. — DOI 10.25724/VAMVD.EKLM // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2018. — № 4. — С. 55–62.
7. Синельников А.В. Криминологические особенности преступлений против правосудия, совершаемых должностными лицами органов уголовного преследования / А.В. Синельников // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2013. — № 2. — С. 94–101.
8. Радченко А.А. Преступные посягательства на участников процесса доказывания: проблемы квалификации и законодательной регламентации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.А. Радченко. — Владивосток, 2010. — 31 с.
9. Уголовное право России. Часть особенная : учебник / отв. ред. Л.Л. Кругликов. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Волтерс Клувер, 2004. — 880 с.
10. Авдеева Е.А. Принуждение к даче показаний: причины и предупреждение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е.А. Авдеева. — Москва, 2008. — 18 с.
11. Борисов В.И. Проблемы ответственности за подкуп или принуждение лица, дающего показания, эксперта, специалиста и переводчика в российском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В.И. Борисов. — Ростов-на-Дону, 2012. — 28 с.
12. Емеева Н.Р. Уголовная ответственность за преступления против правосудия, совершаемые судьями и должностными лицами правоохранительных органов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н.Р. Емеева. — Самара, 2005. — 20 с.
13. Калашникова А.А. Принуждение к даче показаний: уголовно-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.А. Калашникова. — Москва, 2004. — 24 с.
14. Пудовочкин Ю.Е. Современное нормотворчество как основа формирования новой теории криминализации / Ю.Е. Пудовочкин, М.М. Бабаев. — DOI 10.17803/1729-5920.2023.194.1.110-125 // Lex russica. — 2023. — Т. 76, № 1. — С. 110–125.
15. Климанова О.В. Применение пытки: основания и качество криминализации / О.В. Климанова // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. — 2023. — № 4. — С. 86–94.
16. Лопашенко Н.А. Основные итоги реформирования уголовного законодательства в 2022 г.: аналитический обзор / Н.А. Лопашенко. — DOI 10.17803/1729-5920.2023.197.4.115-135 // Lex russica. — 2023. — Т. 76, № 4. — С. 115–135.
17. Агузаров Т.К. Уголовно-правовая охрана власти (история и современность) / Т.К. Агузаров, Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. — Москва : Проспект, 2018. — 332 с.
18. Грибунов О.П. Уголовная ответственность за применение насилия в отношении представителя власти : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / О.П. Грибунов. — Санкт-Петербург, 2003. — 17 с.
19. Лизикова И.И. Правовой статус работников правоохранительных органов (общетеоретические аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / И.И. Лизикова. — Москва, 1997. — 22 с.
20. Филиппов П.А. Преступления против порядка управления в отечественном уголовном праве / П.А. Филиппов. — Москва : Проспект, 2021. — 872 с.
21. Булатов Б.Б. Новые потерпевшие и субъект принуждения к даче показаний / Б.Б. Булатов, В.Н. Борков. — EDN QJYBQJ // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. — 2023. — № 2. — С. 165–175.
22. Борков В.Н. Отграничение пытки от применения насилия или специальных средств при превышении должностных полномочий / В.Н. Борков. — DOI 10.52390/20715870_2022_12_3. — EDN AGAQCK // Уголовное право. — 2022. — № 12. — С. 3–9.
23. Суспицына Т.П. Новое в уголовно-правовой оценке пытки / Т.П. Суспицына. — EDN WPLSZH // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. — 2023. — № 4. — С. 95–105.
24. Скрипченко Н.Ю. Противодействие принуждению к даче показаний уголовно-правовыми средствами / Н.Ю. Скрипченко. — EDN SIVGWN // Актуальные проблемы политики противодействия преступности : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Иркутск, 27 сент. 2022 г. — Иркутск, 2023. — С. 64–69.
25. Борков В.Н. Принуждение к даче показаний с применением насилия, издевательства и пытки / В.Н. Борков. — EDN DGWARS // Законность. — 2023. — № 1. — С. 37–40.
26. Herman Burger J. The United Nations Convention against Torture: A Handbook on the Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment / J. Herman Burger, Hans Danelius. — The Hague, 1988. — 271 p.
27. Manfred Nowak. Challenges to the Absolute Nature of the Prohibition of Torture and Ill-Treatment / Manfred Nowak // Netherlands Quarterly of Human Rights. — 2005. — Vol. 23, no. 4. — P. 674–688.
28. Manfred Nowak. What Practices Constitute Torture? US and UN Standards / Manfred Nowak // Human Rights Quarterly. — 2006. — Vol. 28, no. 4. — P. 809–841.
29. Malcolm Evans. Getting to Grips with Torture / Malcolm Evans // International & Comparative Law Quarterly. — 2002. — Vol. 51. — P. 365–383.
30. Nigel Rodley. The Definition(s) of Torture in International Law / Nigel Rodley // Current Legal Problems. — 2002. — No. 55. — P. 467–493.
31. Carraro V. The More the Better? The Complementarity of United Nations Institutions in the Fight against Torture / V. Carraro // Netherlands Quarterly of Human Rights. — 2022. — Vol. 40, no. 4. — P. 354–378.
32. Kelly T. The Struggle against Torture: Challenges, Assumptions and New Directions / T. Kelly // Journal of Human Rights Practice. — 2019. — Vol. 11, no. 2. — P. 324–333.
33. Андреева Л.А. Влияние жестокости преступного поведения на уголовную ответственность / Л.А. Андреева, П.Ю. Константинов. — Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2002. — 210 с.
34. Векленко В. Истязание и пытка: уголовно-правовой анализ / В. Векленко, М. Галюкова. — EDN KXKTGV // Уголовное право. — 2007. — № 4. — С. 15–18.

35. Попов А.Н. Убийство при отягчающих обстоятельствах / А.Н. Попов. — Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2003. — 898 с.
36. Шарапов Р.Д. Насилие в уголовном праве (понятие, квалификация, совершенствование механизма уголовно-правового предупреждения) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Р.Д. Шарапов. — Екатеринбург, 2006. — 41 с.
37. Бардеев К.А. пытка как уголовно-правовой феномен: компаративистское исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / К.А. Бардеев. — Краснодар, 2023. — 23 с.
38. Нуркаева Т.Н. Применение насилия и пытки как признаки превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ): проблемы законодательной регламентации / Т.Н. Нуркаева. — EDN LEWSIY // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. — 2023. — № 4. — С. 62–68.
39. Панкратов В. Ответственность за пытку в уголовном законодательстве Российской Федерации / В. Панкратов // Уголовное право. — 2005. — № 4. — С. 38–40.
40. Скрипченко Н.Ю. Уголовная ответственность за пытку: современное регулирование и проблемы / Н.Ю. Скрипченко. — DOI 10.17150/2500-4255.2023.17(4).372-382. — EDN STEMLT // Всероссийский криминологический журнал. — 2023. — Т. 17, № 4. — С. 372–382.
41. Кругликов Л.Л. О критериях особой жестокости в уголовном праве / Л.Л. Кругликов. — EDN TXHOMT // Вестник института: преступление, наказание, исправление. — 2015. — № 2. — С. 4–8.
42. Бабаев М.М. «Мертвые» нормы в Уголовном кодексе: проблемы и решения / М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин. — EDN MWLSXX // Уголовное право. — 2010. — № 6. — С. 4–10.

REFERENCES

1. Dolgova A.I. *Crime, its Organized Character and the Criminal Community*. Moscow, Russian Criminological Association Publ., 2003. 572 p.
2. Kuleshov Yu.I. *Crimes against Justice: Problems of Theory, Lawmaking and Law Enforcement*. Vladivostok, 2007. 296 p.
3. Yashin A.V. Coercion to Testify: Statistics and Some Warning Issues. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo = Society: Politics, Economics, Law*, 2022, no. 6, pp. 80–84. (In Russian).
4. Avdeeva E. To the Question of the Latency of Forced Confessions. *Zakon i pravo = Law and Right*, 2008, no. 2, pp. 93–94. (In Russian). EDN: JYARTP.
5. Zelenina S.A. Changing the Factors Underpinning the Latency of Forced Confessions. In Khlebushkin A.G., Timina T.N. (eds.). *Criminal Legislation: Yesterday, Today, Tomorrow: Materials of the Annual All-Russian Research Conference. Materials of International Scientific Conference, Saint Petersburg, May 16–17, 2018*. Saint Petersburg, 2018, pp. 315–319. (In Russian). EDN: YNWOMH.
6. Namnyaseva V.V. Latent Crime in the Sphere Related to Encroachment of the Interests of Justice. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii = Bulletin of Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry*, 2018, no. 4, pp. 55–62. (In Russian). DOI: 10.25724/VAMVD.EKLM.
7. Sinel'nikov A.V. Criminological Aspects of Crimes against Public Justice Committed by Prosecution Authorities' Office Holders. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2013, no. 2, pp. 94–101. (In Russian).
8. Radchenko A.A. *Criminal Infringements on the Participants in the Process of Proving: Problems of Qualification and Legislative Regulation*. Cand. Diss. Thesis. Vladivostok, 2010. 31 p.
9. Kругликов Л.Л. (ed.). *Criminal Law of Russia. Special Part*. 2nd ed. Moscow, Volters Kluver Publ., 2004. 838 p.
10. Avdeeva E.A. *Coercion to Testify: Causes and Prevention*. Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2008. 18 p.
11. Borisov V.I. *Problems of Liability for Bribing or Coercing a Person Giving Testimony, Expert, Specialist and Translator in Russian Criminal Law*. Cand. Diss. Thesis. Rostov-on-Don, 2012. 28 p.
12. Emeeva N.R. *Criminal Liability for Crimes against Justice Committed by Judges and Officials in Law Enforcement Bodies*. Cand. Diss. Thesis. Samara, 2005. 20 p.
13. Kalashnikova A.A. *Coercion to Testify: Criminal Law Aspect*. Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2004. 24 p.
14. Pudovochkin Yu.E., Babaev M.M. Modern Rule-making as the Basis for the Formation of a New Theory of Criminalization. *Lex Russica*, 2023, vol. 76, no. 1, pp. 110–125. (In Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2023.194.1.110-125.
15. Klimanova O.V. Use of Torture: Basis and Quality of Criminalization. *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke = Criminal Law: Strategy of Development in the 21st Century*, 2023, no. 4, pp. 86–94. (In Russian).
16. Lopashenko N.A. The Main Results of Criminal Law Reform in 2022: An Analytical Review. *Lex Russica*, 2023, vol. 76, no. 4, pp. 115–135. (In Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2023.197.4.115-135.
17. Aguzarov T.K., Gracheva Yu.V., Chuchaev A.I. *Criminal Law Protection of Power (History and Modernity)*. Moscow, Prospekt Publ., 2018. 332 p.
18. Gribunov O.P. *Criminal Liability for the Use of Violence against a Government Official*. Cand. Diss. Thesis. Saint Petersburg, 2003. 17 p.
19. Lizikova I.I. *The Legal Status of Law Enforcement Bodies' Employees (General Theoretical Aspects)*. Cand. Diss. Thesis. Moscow, 1997. 22 p.
20. Filippov P.A. *Crimes against the Order of Governance in Russian Criminal Law*. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 872 p.
21. Bulatov B.B., Borkov V.N. New Victims and the Subject of Coercion to Testify. *Nauchnyi vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova = Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov*, 2023, no. 2, pp. 165–175. (In Russian). EDN: QJYBQJ.
22. Borkov V.N. Differentiation of Torture from Violence or the Use of Means of Restraint in Excess of Official Authority. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2022, no. 12, pp. 3–9. (In Russian). EDN: AGAQCK. DOI: 10.52390/20715870_2022_12_3.
23. Suspitsyna T.P. New in the Criminal Law Assessment of Torture. *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke = Criminal Law: Strategy of Development in the 21st Century*, 2023, no. 4, pp. 95–105. (In Russian). EDN: WPLSZH.

24. Skripchenko N.Yu. Counteraction to Coercion to Testify through Criminal Law Methods. *Topical Problems of the Crime Counteraction Policy. Materials of International Scientific Conference, Irkutsk, September 27, 2022*. Irkutsk, 2023, pp. 64–69. (In Russian). EDN: SIVGWH.
25. Borkov V.N. Coercion to Testify with the Use of Violence, Abuse and Torture. *Zakonnost' = Legality*, 2023, no. 1, pp. 37–40. (In Russian). EDN: DGWARS.
26. Herman Burger J., Hans Danelius. *The United Nations Convention against Torture: A Handbook on the Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment*. The Hague, 1988. 271 p.
27. Manfred Nowak. Challenges to the Absolute Nature of the Prohibition of Torture and Ill-Treatment. *Netherlands Quarterly of Human Rights*, 2005, vol. 23, no. 4, pp. 674–688.
28. Manfred Nowak. What Practices Constitute Torture? US and UN Standards. *Human Rights Quarterly*, 2006, vol. 28, no. 4, pp. 809–841.
29. Malcolm Evans. Getting to Grips with Torture. *International & Comparative Law Quarterly*, 2002, vol. 51, pp. 365–383.
30. Nigel Rodley. The Definition(s) of Torture in International Law. *Current Legal Problems*, 2002, no. 55, pp. 467–493.
31. Carraro V. The More the Better? The Complementarity of United Nations Institutions in the Fight against Torture. *Netherlands Quarterly of Human Rights*, 2022, vol. 40, no. 4, pp. 354–378.
32. Kelly T. The Struggle against Torture: Challenges, Assumptions and New Directions. *Journal of Human Rights Practice*, 2019, vol. 11, no. 2, pp. 324–333.
33. Andreeva L.A. *Influence of Cruelty of Criminal Behavior on Criminal Responsibility*. Saint Petersburg, Yuridicheskii Tsentr Press Publ., 2002. 210 p.
34. Veklenko V., Galyukova M. Abuse and Torture: a Criminal-law Analysis. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2007, no. 4, pp. 15–18. (In Russian). EDN: KXKTGV.
35. Popov A.N. *Homicides Under Aggravating Circumstances*. Saint Petersburg, Yuridicheskii Tsentr Press Publ., 2003. 898 p.
36. Sharapov R.D. *Violence in Criminal Law (Concept, Qualification, Improvement of the Criminal Law Prevention Mechanism)*. Doct. Diss. Thesis. Yekaterinburg, 2006. 41 p.
37. Bardeev K.A. *Torture as a Criminal Law Phenomenon: a Comparativist Study*. Cand. Diss. Thesis. Krasnodar, 2023. 23 p.
38. Nurkaeva T.N. Use of Violence and Torture as Signs Abuse of Official Authorities (Art 286 CC RF): Problems of Legislative Regulation. *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke = Criminal Law: Strategy of Development in the 21st Century*, 2023, no. 4, pp. 62–68. (In Russian). EDN: LEWSIY.
39. Pankratov V. Liability for Torture under the Criminal Legislation of the Russian Federation. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2005, no. 4, pp. 38–40. (In Russian).
40. Skripchenko N.Yu. Criminal Responsibility for Torture: Modern Regulation and Implementation Problems. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2023, vol. 17, no. 4, pp. 372–382. (In Russian). EDN: STEMLT. DOI: 10.17150/2500-4255.2023.17(4).372-382.
41. Kruglikov L.L. On the Criteria of Extreme Violence in Criminal Law. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie = Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction*, 2015, no. 2, pp. 4–8. (In Russian). EDN: TXHOMT.
42. Babaev M.M., Pudovochkin Yu.E. Defunct Regulations in the Criminal Code: Problems and Solutions. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2010, no. 6, pp. 4–10. (In Russian). EDN: MWLSXX.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Радченко Алексей Андреевич — доцент кафедры уголовного права и криминологии Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции, кандидат юридических наук, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: radchenko_alex@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Radchenko, Alexei A. — Ass. Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, Ph.D. in Law, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: radchenko_alex@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Радченко А.А. Принуждение к даче показаний: изменения уголовного закона и проблемы квалификации / А.А. Радченко. — DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(6).648-657. — EDN TGCGMY // Всероссийский криминологический журнал. — 2024. — Т. 18, № 6. — С. 648–657.

FOR CITATION

Radchenko A.A. Coercion to Testify: Changes in the Criminal Law and Problems of Qualification. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2024, vol. 18, no. 6, pp. 648–657. (In Russian). EDN: TGCGMY. DOI: 10.17150/2500-4255.2024.18(6).648-657.